
Б24 2/65ат

СКАЗАНІЕ

О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ

ВЕЛИКАГО РАБА БОЖІЯ

СТАРЦА

ѲЕОДОРА КУЗЬМИЧА

ПОДВИЗАВШАГОСЯ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ

СЪ 1837 ГОДА ПО 1864 ГОДЪ.

Изданіе 3-е, исправленное и дополненное.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА.

Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка, домъ Воейковой.

1894.

ИЗДАНІЕ ЕЛИСѢЯ И СЫНА ЕГО АНТОНА ЗАХАРОВЫХЪ.

СКАЗАНІЕ

О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ

ВЕЛИКАГО РАБА БОЖІЯ

СТАРЦА

ӨЕОДОРА КУЗЬМИЧА,

ПОДВИЗАВШАГОСЯ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ

съ 1837 года по 1864 годъ.

Изданіе 3-е, исправленное и дополненное.

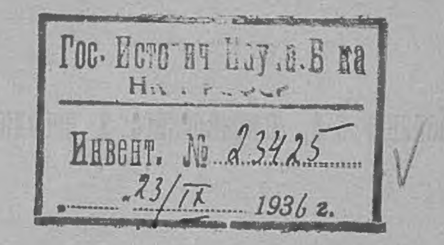
МОСКВА.

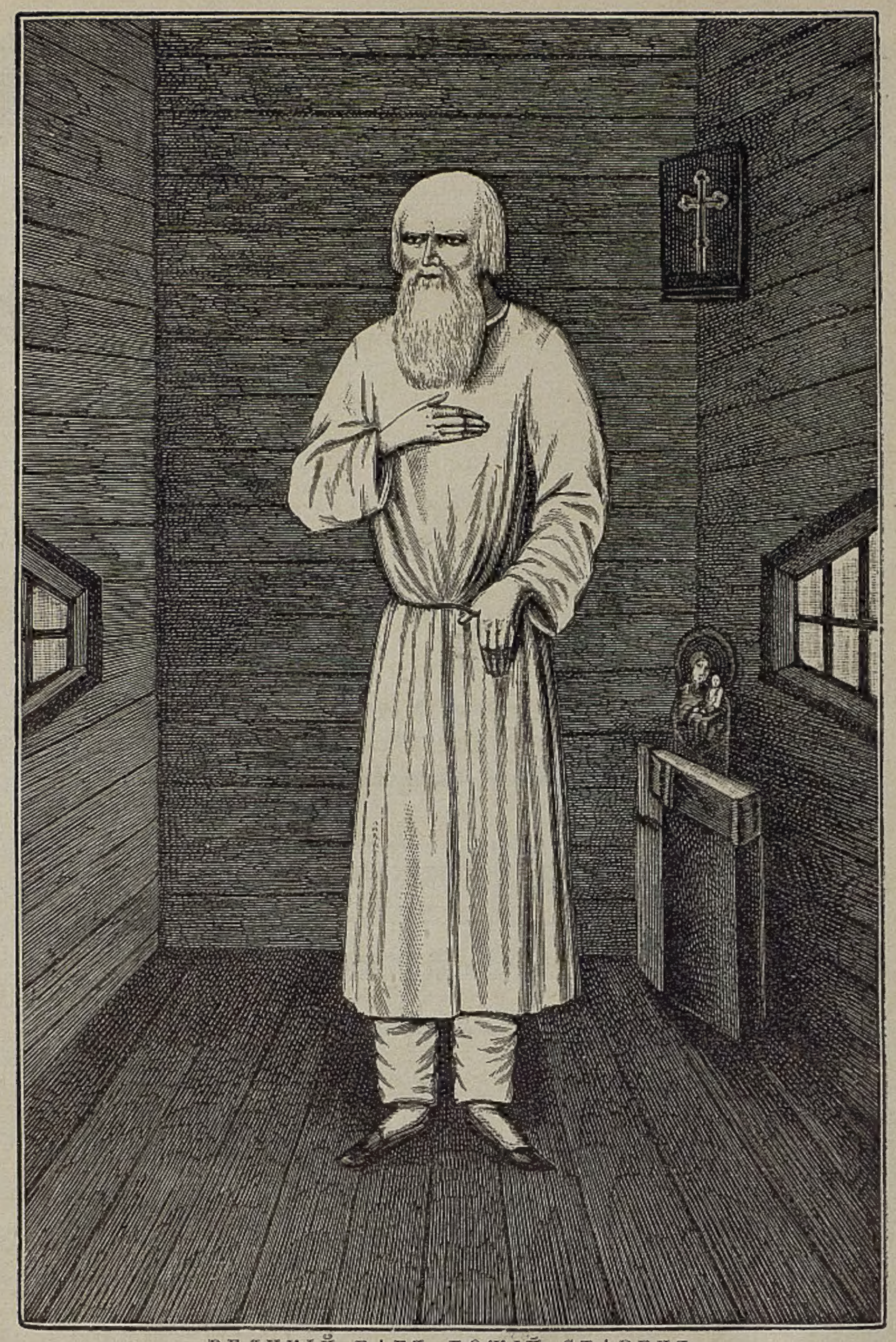
Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка, домъ Воейковой.

1894.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется, С.-Петербургъ, 21 Января 1894 г.

Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

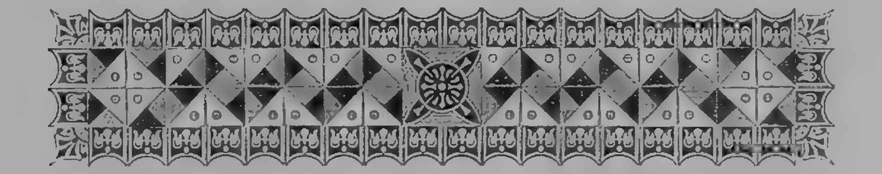
ВЕЛИКІЙ РАБЪ БОЖІЙ СТАРЕЦЪ

ФЕОДОРЪ КУЗЬМИЧЪ,

проводившій отшельническую жизнь въ Томскѣ, скончался въ 1864 г. въ кельѣ Хромова.

(Право изданія принадлежитъ Е. З. Захарову).

ТИП. А. Г. КОЛЬЧУГИНА, МОСКВА.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

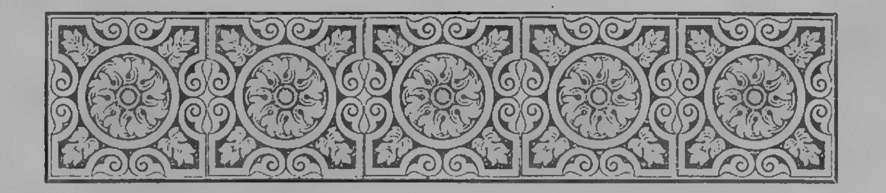
7-го Августа 1889 года, находясь по нѣкоторымъ дѣламъ моимъ въ г. Томскѣ, я былъ живо заинтересованъ весьма распространенной молвой о проживавшемъ и скончавшемся здѣсь, въ 3-хъ верстахъ отъ города Томска на Заимкѣ, у купца Семена Ѳеофановича Хромова,—старцѣ 80 лѣтъ,—Ѳеодорѣ Кузьмичѣ.

Объ этой личности ходятъ многіе толки, свидѣтельствующіе какъ о подвижнической жизни означеннаго старца Ѳеодора Кузьмича,—такъ и о томъ уваженіи и доброй памяти, которыя сохранились о немъ и понынѣ въ мѣстномъ населеніи.

Изъ очевидцевъ и современниковъ старца Ѳеодора Кузьмича въ живыхъ осталось немного; одинъ изъ таковыхъ, именно купецъ Симеонъ Ѳеофановичъ Хромовъ, въ домѣ котораго сей старецъ проживалъ и скончался,

составилъ записку, въ которой изложилъ свои воспоминанія о Θеодорѣ Кузьмичѣ, но записка эта еще не была напечатана для ознакомленія публики. Въ „Русской Старинѣ“ за 1887-й годъ и за январь 1892 года помѣщены статьи о Θеодорѣ Кузьмичѣ, изъ которыхъ видны общія черты его жизни. Поэтому, желая съ своей стороны, насколько возможно, изобразить эту таинственную личность, мы предлагаемъ сказаніе о немъ, составленное частію по означеннымъ статьямъ журнала „Русской Старины“, а частію изъ тѣхъ воспоминаній о немъ, которыя имѣются въ запискѣ Хромова и другихъ.

Издателю сказанія о Θеодорѣ Кузьмичѣ пришлось 8-го Августа 1889 года посѣтить самого купца Семена Θеофановича Хромова, а также видѣть и ту келью, въ которой старецъ Θеодоръ Кузьмичъ проживалъ и скончался.

Происхожденіе Θеодора Кузьмича составляетъ тайну, и о жизни его до появленія въ Сибири ничего неизвѣстно. Въ Сибирь онъ сосланъ былъ въ 1837 году на поселеніе за бродяжничество, по суду, изъ г. Красноуфимска, Пермской губерніи, гдѣ напередъ наказанъ былъ 20 ударами плетей; и по распоряженію экспедиціи о ссыльныхъ первоначально поселенъ былъ въ деревнѣ Зерцалахъ Томской губерніи.

По внѣшнему виду Θеодоръ Кузьмичъ былъ роста высокаго, плечистый, съ величественной осанкой, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду, такъ что этою своею благообразною наружностію и вмѣстѣ тихою, степенною рѣчью онъ на многихъ посѣщавшихъ его производилъ обаятельное впечатлѣніе. Своими намеками, иносказательными выраженіями онъ давалъ понять, что онъ не то, за что его счи-

таютъ,—что онъ — личность высокаго происхожденія, — игралъ нѣкогда видную политическую роль, и что, почувствовавъ нелюбовь къ жизни и сознавъ всю ничтожность ея, онъ рѣшился отречься отъ міра, и принялъ названіе бродяги *по обѣту* *).

Сначала, по прибытіи въ Сибирь, Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ помѣщенъ на существовавшій тогда казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ, находившійся въ 2-хъ верстахъ отъ

*) Между лицами, знавшими старца Ѳеодора Кузьмича, сохранилось сказаніе, что онъ получилъ будто бы благословеніе отъ покойнаго митрополита московскаго Филарета скрыть свое происхожденіе и принять на себя видъ скитающагося пустынника, почему бродяжничество и предпринято было имъ, какъ добровольный подвигъ.

Разсказываютъ: осенью 1836 г. къ одной изъ кузницъ, находящейся около г. Красноуфимска, Пермской губ. подъѣхалъ какой-то мужчина лѣтъ 60-ти и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ верховую лошадь. Кузнецъ, исполняя желаніе проѣзжаго, заинтересовался красивою лошадью и самою личностію старика, одѣтаго въ обыкновенный черный крестьянскій кафтанъ, не гармонировавшій съ чрезвычайно мягкимъ, такъ сказать, не крестьянскими манерами проѣзжаго, обратился къ нему съ обычными въ этихъ случаяхъ вопросами о цѣли путешествія, принадлежности лошади и, наконецъ, о его имени и званіи. Уклончивые отвѣты проѣзжаго возбудили подозрѣнія собравшагося около кузницы народа, и неизвѣстный безъ вся-

села Краснорѣчинскаго, и прожилъ тамъ около 5-ти лѣтъ, не употребляемый, впрочемъ, ни на какія понудительныя работы, и пользуясь свободою.

Около 1842 года одинъ изъ сосѣднихъ жителей, нѣкто казакъ Семенъ Николаевъ Сидоровъ, замѣтивъ въ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ желаніе удалиться куда-нибудь подальше отъ народа, построилъ около своего дома въ Бѣлоярской станицѣ, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго въ сторону къ Ачинску, небольшую избушку, и уговорилъ старца переселиться къ нему, на что онъ и согласился очень охотно. Узнавъ объ этомъ, крестьяне сосѣднихъ деревень наперебой начали заманивать къ себѣ на житье старца Ѳеодора Кузьмича. Но просьбы эти, не давая ему покоя, заставили его, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣлоярской станицѣ,

---

каго съ своей стороны сопротивленія былъ тутъ же задержанъ и доставленъ въ городъ. На допросѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, и объяснилъ, что лошадь принадлежитъ ему; но отказался отъ дальнѣйшихъ показаній и объявилъ себя непомнящимъ родства бродягою, слѣдствіемъ чего былъ арестъ, и затѣмъ судъ за бродяжничество. Русск. Стар. Янв. 1892 г.

переѣхать въ деревню Зерцалы, т. е. поселиться на мѣстѣ своей приписки. Здѣсь, въ этой деревнѣ, старца принялъ къ себѣ поселенецъ Иванъ Ивановъ, отслужившій срокъ въ каторжныхъ работахъ, человѣкъ семейный; съ нимъ Ѳеодоръ Кузьмичъ прожилъ зиму въ одной избѣ; но на слѣдующій годъ крестьяне построили ему отдѣльную избу, въ которой онъ прожилъ 11 лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени Ѳеодоръ Кузьмичъ иногда временно уходилъ на жительство въ сосѣднія деревни, гдѣ занимался обученіемъ дѣтей грамотѣ, а съ взрослыми велъ религіозныя бесѣды и разсказывалъ имъ о событіяхъ отечественной исторіи, въ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, при чемъ вдавался иногда въ такія мелкія подробности, напр., говоря о войнѣ 1812 года, что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ сравнительно развитыхъ, какъ-то: мѣстнаго духовенства и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ ссыльныхъ. Нерѣдко старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ гостилъ въ Бѣлоярской станицѣ; а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова, и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ простого рабочаго.

Изъ деревни Зерцалъ старецъ Ѳеодоръ Кузь-

мичъ перешелъ на жительство въ ближнее село Краснорѣченское, по приглашенію крестьянина И. Г. Латышева, у котораго прожилъ нѣсколько лѣтъ, зимой въ отдѣльной избѣ, а лѣтомъ на пасѣкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго, внизъ по р. Чулыму, на самомъ берегу рѣки. Жизнь Ѳеодора Кузьмича отличалась особою строгостію, правильностію и воздержностію. Пищу онъ принималъ самую скудную; его обѣдъ состоялъ изъ ржаныхъ сухарей, размоченныхъ въ водѣ, и печенаго картофеля. Хотя почитатели Ѳеодора Кузьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а въ особенности по праздникамъ, заваливая пирогами, лепешками и т. п., но онъ все это, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ самъ выражался, для „гостей“ и раздавалъ затѣмъ заходившимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Въ кельи его, кромѣ кровати, сдѣланной изъ двухъ деревянныхъ досокъ съ таковою же деревянною для изголовья подушкою, и двухъ или трехъ скамеекъ и небольшого столика, не было никакой другой мебели. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ: Божіей Матери, маленькій образокъ Александра Невскаго и др.; кромѣ того, онъ вѣшалъ въ этомъ углу нѣкоторыя картины религіознаго содержанія, приносимыя

ему разными странниками, но выбиралъ изъ нихъ только болѣе приличныя и осмысленныя по содержанію; на столѣ стояло небольшое распятіе, лежало евангеліе, псалтирь, маленькій Кіево-печерскій молитвенникъ и небольшая книжка подъ заглавіемъ: „Семь словъ на крестѣ Спасителя.“

Вставалъ Θеодоръ Кузьмичъ очень рано, и все свободное время посвящалъ, вѣроятно, молитвѣ. Никто, однако, не видалъ, когда онъ молился, потому что дверь его кельи была постоянно заперта; только послѣ смерти оказались на колѣняхъ его большіе наросты, что несомнѣнно указывало на продолжительное и усердное молитвенное стояніе на нихъ. Одежда старца состояла обыкновенно изъ длинной грубой, толстой холщевой рубашки, подпоясанной тонкимъ ремешкомъ или веревочкою; а когда выходилъ изъ избы, то одѣвалъ на себя такой же длины, какъ рубашка, лосинный халатъ.

Церковную службу Θеодоръ Кузьмичъ посѣщалъ очень усердно, всегда становился на правой сторонѣ поближе къ двери. По большимъ праздникамъ, послѣ литургіи старецъ заходилъ обыкновенно къ двумъ старушкамъ, Аннѣ и Марθѣ (сосланнымъ также въ Сибирь), и пилъ у нихъ чай. Въ день св. Александра

Невскаго въ этомъ домѣ приготовлялись для него пироги и другія деревенскія яства. Старецъ проводилъ у нихъ все послѣ-обѣденное время и вообще, по сообщеніямъ знавшихъ его, весь этотъ день былъ обыкновенно веселъ, вспоминалъ о Петербургѣ. „Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ, разсказывалъ онъ, стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе, и общая радость наполняла сердца человѣческія"...

Къ старцу Θеодору Кузьмичу ходили многіе за совѣтами, иные при своей болѣзни, а иные при какихъ-либо другихъ своихъ несчастіяхъ, и старецъ принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему, надѣляя каждаго съ большою охотою своими совѣтами. Совѣты давалъ онъ безвозмездно, и разговаривалъ съ приходившими всегда стоя или прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, держа обыкновенно руки на бедрахъ или придерживая одною изъ нихъ грудь. Съ нѣкоторыми, особенно съ бродягами и странниками, бесѣдовалъ иногда подолгу, а иныхъ оставлялъ ночевать у себя.

Замѣтивъ, что слухи о немъ начали распространяться все далѣе и далѣе, и народъ цѣлыми толпами сталъ осаждать его со всевозмож-

ными просьбами, Θеодоръ Кузьмичъ однажды, не сказавши никому, кромѣ Латышева, скрылся въ тайгу и, побродивши вь ней нѣсколько времени, выбралъ себѣ около деревни Коробейниковой, находящейся въ 10-ти верстахъ отъ с. Краснорѣчинскаго, въ самой тайгѣ, мѣстечко и упросилъ Латышева перевести туда свою келью.

Мало-по-малу пародъ узналъ, однако, новое мѣстопребываніе старца Θеодора Кузьмича и снова началъ обращаться къ нему съ разными просьбами. Но старецъ, чувствуя уже усталость и ища себѣ лишь одного покоя, на этотъ разъ принималъ къ себѣ только пѣкоторыхъ изъ посѣтителей, а большинству или вовсе отказывалъ въ пріемѣ или принималъ и разговаривалъ съ ними на улицѣ; въ этотъ періодъ времени онъ иногда по цѣлымъ дпямъ просиживалъ въ своей кельѣ, и даже совсѣмъ не показывался посѣтителямъ.

Проживши около Коробейникова три года, старецъ Θеодоръ Кузьмичъ снова переѣхалъ въ Краснорѣчинское, при чемъ Латышевъ устроилъ ему въ сторопѣ отъ дороги, въ самой горѣ надъ обрывомъ, въ густомъ кустарникѣ, новую келью. Здѣсь старецъ продолжалъ вести такую же

строгую затворническую жизнь, и только рѣже посѣщалъ сосѣднія деревни.

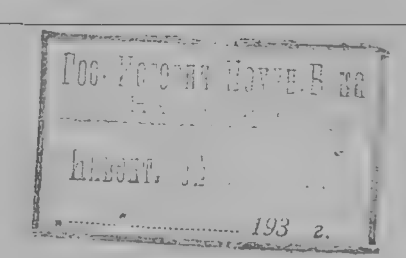
Находясь въ своей новой кельѣ въ этой мѣстности, старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ всячески старался совсѣмъ укрываться отъ новыхъ посѣтителей, и его доступностію и расположеніемъ пользовались только немногіе. Изъ нихъ, между прочимъ, была нѣкая Александра Никифорова Ѳедорова, дочь крестьянина села Краснорѣчинскаго, а нынѣ вдова маіора. Она первый разъ встрѣтила старца, когда ей было около 12 лѣтъ, и встрѣча эта, по ея разсказу, произошла такимъ образомъ. Когда старецъ былъ еще въ Краснорѣченскомъ казенномъ винокуренномъ заводѣ, который отстоитъ въ 5 верстахъ отъ села Краснорѣченскаго, она однажды съ своей сестрой поѣхала туда, къ заводу;—у нихъ тамъ на заводской землѣ, какъ хорошей, посѣянъ былъ картофель, и онѣ поѣхали его копать. Когда копала она картофель съ двумя старушками, сосланными на этотъ заводъ, то въ это время старецъ ходилъ тутъ, около, и она весьма желала съ нимъ поговорить, сама не зная о чемъ, какъ-то безотчетно влекло ее къ нему. Она сказала сестрѣ: „я пойду къ этому, Хіонія (такъ звали ея сестру) старцу и поговорю что-нибудь съ нимъ.

что онъ мнѣ скажетъ". Сестра отвѣтила: „пойди-ка, я вотъ тебѣ ленъ-то накручу! Чего ты не слыхала, что говоритъ старикъ со старухами (онъ тогда разговаривалъ со старушками, бывшими тутъ, тѣми ссыльными, о которыхъ сказано было выше, Анной и Мароой)?" А я сказала на это сестрѣ: „хотя ты и ленъ мнѣ накрутишь, а я все-таки пойду къ этому старцу и послушаю, что онъ говоритъ со старушками", и пошла къ нему. Подошла къ нему, а онъ говоритъ: „ну что, ты пришла послушать, что мы говоримъ? Вотъ тебѣ сестра-то накрутитъ ленъ, что ты къ старику пошла. Развѣ ты любишь меня?" Она сказала: „люблю, дѣдушка!" Старецъ сказалъ: „нѣтъ, я не дѣдушка, зови меня Θеодоръ Кузьмичъ". Сестра позвала ее къ себѣ, и она пошла къ ней, сказавъ старцу: „заходи къ намъ, Θеодоръ Кузьмичъ, когда пойдешь отъ обѣдни, чай пить". Онъ сказалъ: „увидимся въ церкви и приду".

Старецъ Θеодоръ Кузьмичъ ходилъ съ завода въ село Краснорѣченское, въ церковь къ каждой божественной службѣ, говѣлъ, исповѣдывался у священника этого села о. Никифора Ключарева, нынѣ уже умершаго. Священникъ Ключаревъ первоначально, когда старецъ

Өеодоръ Кузьмичъ еще не ходилъ къ исповѣди и причастію относился къ нему недружелюбно и отзывался о немъ сомнительно и не уважалъ его. Такъ бывало, когда діаконъ (нынѣ священникъ о. Евфимій Богословскій тамъ же въ селѣ Краснорѣченскомъ), подастъ старцу свою просфору, о. Никифоръ всегда говаривалъ ему гнѣвно: „чего ты дѣлаешь? кому подаешь, кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ?“ и о. Никифоръ за это поплатился. Сказавши однажды такимъ образомъ о старцѣ діакону, онъ былъ пораженъ тутъ же въ церкви, послѣ этихъ словъ, припадкомъ. Когда же привели его домой, онъ сознал свою вину предъ старцемъ, и послалъ къ нему свою свояченицу, чтобы испросить у него прощеніе. Старецъ Өеодоръ Кузьмичъ не только простилъ, но избралъ о. Никифора, послѣ этого, своимъ духовнымъ отцомъ, и о. Никифоръ относился къ нему уже съ уваженіемъ, и сталъ потомъ самъ посылать діакона подавать старцу на церковной тарелочкѣ, послѣ литургіи, просфору.

Хотя старецъ Өеодоръ Кузьмичъ былъ ссыльный, но выходъ ему былъ съ завода свободный; его не только притѣсняли, но напротивъ, всѣ служащіе и рабочіе на заводѣ уважали его. „Вотъ прихожу я однажды въ церковь“, разсказываетъ

А. Н. Θедорова, старецъ уже былъ тамъ; я подошла къ нему, поклонилась и сказала: приходи къ намъ, Θедоръ Кузьмичъ, послѣ обѣдни чай пить, братецъ мой звалъ тебя". Онъ сказалъ: „пойду, пойду, панушка, къ тебѣ". Отъ обѣдни я повела его къ себѣ, онъ пошелъ. Приходитъ къ намъ и говоритъ: „миръ въ вашемъ домѣ и благодать вашему дому". Выпилъ два стакана безъ молока чаю съ прикуской, вафлями и заварными калачами, ходя по комнатѣ, и не присѣлъ все время, пока былъ у насъ, ни на минуту. Выпивши чаю, онъ походилъ по комнатѣ. Потомъ поставили мы пирогъ съ рыбой на столъ, онъ закусилъ этого пирога, не садясь, и поблагодарилъ. Братъ просилъ его сѣсть, но онъ сказалъ: „не мнѣ на этакой мебели сидѣть, человѣкъ я грѣшный". Потомъ, спустя немного времени, распрощался, пошелъ изъ дома и сказалъ: „кабы вы знали какой гость былъ у васъ; грѣшника да такъ уважаете; кабы знали, что такой грѣшникъ, разбойникъ былъ у васъ, такъ вы бы и въ домъ-то не приняли меня". Встрѣчалась я съ старцемъ Θеодоромъ не разъ и часто его видѣла. Вотъ однажды, при встрѣчѣ, онъ говоритъ мнѣ: „у тебя, панушка, военный волосъ въ головѣ, наклонилъ мою голову къ себѣ, за это я

тебя и уважаю“. Я много разъ добивалась узнать отъ старца, какой это военный волосъ у меня въ головѣ и просила его вырвать у меня изъ головы, но онъ говорилъ: „не моя воля, Божія, какъ Богу угодно, такъ онъ устроитъ дѣла. Нельзя вырвать этотъ волосъ, не нами созданъ, Богомъ“. Сватали меня женихи, но я не шла за нихъ и говорила, что я не пойду замужъ, не буду служить мужчинѣ, а буду служить Христу Спасителю. Старецъ мнѣ говорилъ: „какіе тебѣ тутъ женихи, нѣтъ тебѣ здѣсь жениховъ, Матерь Божія въ Кіевѣ утѣшитъ тебя, иди въ Кіевъ молиться. Вскорѣ пришла въ село Краснорѣченское изъ Кяхты Гурлова — мѣщанская вдова города Кяхты, и другія странницы съ ней, направлявшія путь свой въ Кіевъ на богомолье, и такъ какъ мы принимали странниковъ, то онѣ зашли къ намъ въ домъ. Я съ ними сговорилась также идти въ Кіевъ; родные мои меня не пускали; но я пошла къ старцу, первоначально одна, посовѣтоваться; вотъ, говорю ему: пришли странницы изъ Кяхты, идутъ въ Кіевъ, что-то онѣ мнѣ приглянулись, пойду и я съ ними. Старецъ сказалъ мнѣ: „съ Богомъ, доброе дѣло, я давно ужъ этого дожидался, отправить тебя. Тамъ увидишь Царя“. А я, какъ и всѣ неви-

давшіе Царя, желала всегда увидѣть его, думала объ этомъ. Когда я бывало приносила старцу въ избушку жареныя въ маслѣ круглыя оладьи, онъ говорилъ: „а что, панушка, если бы твоихъ пышекъ да Царь покушалъ, какъ-бы онъ тебя благодарилъ? А кто знаетъ, можетъ быть онъ и отблагодаритъ тебя за эти пышки, будешь получать. Вотъ крестьяне-то будутъ носить въ Казначейство деньги, и ты будешь оттуда же получать. Вотъ кабы къ вамъ сейчасъ Царь пріѣхалъ, какъ-бы ты его приняла, какъ-бы обрадовалась? А я бы въ разбойнической одеждѣ пришелъ, какъ-бы ты меня приняла-то?“ Я ему говорила: не знаю какъ-бы я приняла. Побывавши у старца одна, посовѣтовавшись съ нимъ, идти-ли мнѣ въ Кіевъ съ упомянутыми странницами, и получивши отъ него позволеніе, я пошла домой. Потомъ пошла къ старцу опять уже съ своими спутницами, и объяснились съ нимъ; онъ сказалъ: „доброе дѣло“. Послѣ этого недѣли черезъ три собралась я въ путь и пошла съ своими спутницами къ старцу проститься. Онъ сказалъ: „не долго вчетверомъ пройдете, врагъ плевелы посѣетъ, и вы разойдетесь“. Мы пошли въ путь и дѣйствительно не долго шли вмѣстѣ. Мои спутницы стали

на меня роптать, что я тихо иду; дошли мы до Томска и разошлись, какъ предсказалъ старецъ Θеодоръ Кузьмичъ. Молодыя мои спутницы, которыя на меня роптали, пошли вдвоемъ, а я пошла со старушкой, одной изъ своихъ спутницъ. Пришли мы съ ней благополучно въ Кіевъ, и когда вошли въ Кіево-Печерскую лавру, вдругъ подходитъ къ намъ военный и спрашиваетъ: „откуда, странницы?“ Я сказала: изъ Сибири, Томской губерніи. „Пойдемте ко мнѣ“ (онъ былъ въ отставкѣ и принималъ странницъ). Я его спросила: а есть у васъ семейство? Онъ сказалъ: „большое у меня семейство, довольно“. Мы приходимъ и видимъ, что у него все странники. „Ставьте“, говоритъ, „самоваръ, странницу привелъ дорогую, изъ Сибири“. Потомъ стали пить чай. У меня, какъ стала пить чай, затряслись руки. Онъ обратилъ вниманіе на это и спросилъ: „чѣмъ развѣ нездорова?“ Я говорю: не знаю, что со мной случилось. „Я“, говоритъ, „призову доктора, у меня есть знакомый докторъ“. Нѣтъ, этому доктору, сказала я, не вручу себя. Я, какъ сельская дѣвушка, никогда не была осматриваема докторами. Вотъ мой докторъ, указавши на икону Спасителя, сказала я; больше ни къ кому не желаю обращаться. Это ему,

видимо, понравилось, и онъ сказалъ: „четыре года принимаю странниковъ и ни отъ одного подобнаго не слыхалъ“. Послѣ этого далъ онъ намъ рубль денегъ и сказалъ: „пойдите въ лавру и принесите, что у васъ есть тамъ (мы первоначально думали остановиться въ гостиницѣ при лаврѣ и поэтому тамъ оставлены были нами наши котомочки). Мы, взявши отъ него деньги, пошли за своими котомками, принесли ихъ къ нему, онъ взялъ мою котомочку и палочку и положилъ къ себѣ въ комнату, чему удивились видѣвшіе это странники и я точно также. Вечеромъ велѣлъ поставить самоваръ и посадилъ меня съ собой пить чай и мою спутницу старушку въ отдѣльной комнатѣ отъ странниковъ. Сталъ разспрашивать, есть-ли родные, и какъ они отпустили меня одну такую молодую (мнѣ было тогда 25 лѣтъ). Я сказала, что была нездорова и обѣщала сходить въ Кіевъ поклониться св. угодникамъ, обманула его, грѣшная. „Въ Почаевъ, говоритъ, надо съѣздить къ Матери Божіей“. А я сказала ему, что у меня паспортъ просрочился. „Начто тебѣ паспортъ, вотъ тебѣ паспортъ“, показалъ на себя. „Кто спроситъ: кто ѣдетъ, такъ я скажу, что маіоръ Ѳедоровъ съ семействомъ ѣдетъ“. Пріѣхали въ Почаевъ,

пошли къ обѣднѣ и помолились. Потомъ маіоръ Ѳедоровъ заявилъ мнѣ, что желаетъ вступить со мной въ супружество. А я ему говорю: какъ же я могу быть замужемъ за образованнымъ, необразованная, крестьянская дѣвушка? Но онъ сказалъ: „мнѣ не нужно образованіе, какое вы думаете, а нужно душевное образованіе, которое, я замѣчаю, есть у васъ". Я сказала: какъ же мнѣ быть, нѣтъ у меня родныхъ, не съ кѣмъ посовѣтоваться? Позвольте мнѣ сходить къ Матери Божіей и Іову преподобному; они меня благословятъ. Затѣмъ дала я слово выйти замужъ за маіора Ѳедорова, пошла съ нимъ вмѣстѣ и помолилась. Послѣ этого было послано за метрикой въ село Краснорѣченское. Когда пришло требованіе метрики въ село Краснорѣченское, то узнали о моей судьбѣ мои родные; стали жалѣть и хотѣли, чтобы я пріѣхала къ нимъ; но старецъ Ѳеодоръ сказалъ имъ: „не дожидайтесь ее, она будетъ вашими деньгами жить, будетъ важная барыня". И священникъ, когда мои родные просили его не посылать мнѣ метрику, получивши требованіе метрики, не согласился на ихъ просьбу, послалъ требуемую метрику. Мы же, поѣхавши изъ Почаева въ Кіевъ, много времени ѣздили по монастырямъ. Когда же

пріѣхали въ Кіевъ, черезъ три дня получили и метрику, съ которою маіоръ Ѳедоровъ отправился въ военный Никольскій соборъ и заявилъ священнику о своемъ желаніи вступить со мною въ бракъ; а такъ какъ уже все было имъ приготовлено къ вѣнцу, то на третій день и повѣнчались въ упомянутомъ соборѣ. Прожила Александра Никифорова въ замужествѣ за маіоромъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ѳедоровымъ мирно, благополучно ровно 5-ть лѣтъ, овдовѣла, не имѣя дѣтей. Послѣ смерти мужа прожила въ Кіевѣ еще 4 года. Но, по ея разсказу, сталъ ей являться во снѣ старецъ Ѳеодоръ. Приходитъ и говоритъ: „что же ты покинула меня?“ Это было много разъ. И она не стала болѣе жить въ Кіевѣ и поѣхала въ Томскъ, гдѣ и осталась жить, получая отъ казны пенсію.

Во время пребыванія старца Ѳеодора Кузьмича на жительствѣ у Латышева въ селѣ Краснорѣченскомъ имѣлъ свиданіе съ нимъ преосвященный иркутскій Аѳанасій и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Затѣмъ преосвященный посѣтилъ старца Ѳеодора и въ его кельѣ на пасѣкѣ; осмотрѣвъ келью, онъ и здѣсь провелъ нѣкоторое время въ бесѣдѣ съ нимъ, и на про-

щаніи со старцемъ выразилъ ему знаки своего особаго уваженія.

Въ 1858 г. старецъ Өеодоръ Кузьмичъ переселился на жительство къ томскому купцу, Семену Өеофановичу Хромову, нынѣ почтенному 70-тилѣтнему старцу, по его приглашенію. Старецъ Өеодоръ жилъ то въ самомъ Томскѣ, въ домѣ Хромова, принадлежащемъ теперь зятю его, Чистякову (гдѣ въ настоящее время помѣщается Томскій губернскій судъ), то на заимкѣ Хромова, въ 5-6 верстахъ отъ Томска. Какъ здѣсь, такъ и на заимкѣ, старецъ проживалъ въ особыхъ домикахъ-кельяхъ, сохраняющихся до сихъ поръ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Жизнь старецъ велъ также крайне суровую, вполнѣ аскетическую. Въ кельяхъ его не было никакихъ удобствъ и украшеній, и вся обстановка ихъ ограничивалась, кромѣ иконъ и картинъ религіознаго содержанія, однимъ деревяннымъ столомъ со стуломъ и деревянною кроватью съ таковою же деревянною подушкою.

Хромовъ узналъ старца Өеодора Кузьмича еще въ 1852 году, и въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ излагаетъ подробный разсказъ, какъ о своемъ первоначальномъ знакомствѣ со старцемъ, такъ и его жизни въ его домѣ.

„1852 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, проѣзжая чрезъ село Краснорѣчинское“, говоритъ Хромовъ, я хотѣлъ увидѣть старца Ѳеодора Кузьмича, о которомъ говорилъ мнѣ Парѳеній (Аѳонскій), бывшій впослѣдствіи игуменомъ Гуслицкаго монастыря. Старецъ жилъ въ то время на пасѣкѣ у Латышева по чулыму, ниже села въ 2-хъ верстахъ отъ него, на берегу рѣки. Это было первое мое свиданіе со старцемъ. Пришедши къ кельѣ, я тихо сотворилъ Іисусову молитву, и вошелъ въ нее, такъ какъ дверь была не заперта. Вошедши въ келью, помолился Богу, и увидѣлъ сѣдинами украшеннаго старца; поздоровался съ нимъ. Первый вопросъ его былъ: „откуда честь ваша?“ я объяснился; затѣмъ онъ спросилъ: „куда ѣдешь?“ Я отвѣтилъ: въ Енисейскъ по дѣламъ золотопромышленности. Много онъ мнѣ по этому поводу говорилъ; но только не могу всего припомнить—жалѣю, что не записалъ; припоминаю лишь одно: „напрасно занимаешься“, говорилъ онъ, „золотымъ промысломъ, и безъ этого тебя Богъ питаетъ“. Говорилъ также, что мы много прогнѣвляемъ Господа и Пречистую Божію Матерь, но милосердіе Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Божіей Матери для насъ грѣшныхъ велико; давалъ и настав-

ленія, какъ жить слѣдуетъ каждому христіанину, не заботиться о насущномъ хлѣбѣ, а болѣе думать о будущей жизни.

Послѣ этого я уже сталъ каждый разъ посѣщать старца, какъ только имѣлъ случай проѣзжать мимо, и при каждомъ моемъ посѣщеніи онъ говорилъ мнѣ: „не старайся заявлять пріисковъ: съ тебя довольно, сытъ будешь“, но при этомъ всегда прибавлялъ, чтобы въ воскресныя дни не работать: „эта работа“, говорилъ онъ, „все отнимаетъ полезное и величайшій грѣхъ;“ также чтобы и расчетъ рабочимъ всегда былъ вѣренъ, не убавляя изъ платы ни полушки.

Когда братъ мой вздумалъ мнѣ отказать во всемъ по торговлѣ конской, я передалъ свою скорбь старцу; но онъ на это сказалъ: „что дѣлать? бѣда отъ разбойника, бѣда и отъ сродниковъ, надо терпѣть; Господь поможетъ перенести, лишь нужно только молиться Богу и Пречистой Его Матери“.

Разъ, проѣзжая съ пріисковъ въ Томскъ, и будучи еще на развѣдкѣ, я увидался со старцемъ, но онъ ничего тогда не замѣтилъ мнѣ. Возвращаясь же изъ Томска, заѣхалъ опять къ нему, онъ былъ у старушекъ въ кельѣ. При разговорѣ старецъ спросилъ меня: „а что

уже теперь туда не поѣдешь?“ Я отвѣтилъ: не знаю. Онъ сказалъ: „не слѣдуетъ!“ Тогда я только понялъ, куда не слѣдуетъ ѣхать. Это меня слишкомъ удивило: за столько верстъ видѣлъ мое прегрѣшеніе“.

Поселившись на житье на заимкѣ у Хромова, старецъ въ слѣдующемъ 1859 году сдѣлался очень боленъ, и Хромовъ рѣшился спросить его, не откроетъ ли о себѣ — кто онъ? „Нѣтъ“, сказалъ, „это не можетъ быть открыто никогда“, а только прибавилъ, что объ этомъ его спрашивали преосвященные Иннокентій и Аѳанасій: „и я имъ то же сказалъ, что говорю тебѣ, панокъ“. Когда же Хромовъ сказалъ бывшему тогдашнему томскому преосвященному Парѳенію, что старецъ очень боленъ, то преосвященный велѣлъ ему предложить старцу, чтобы онъ исповѣдался и пріобщился Святыхъ Тайнъ; но на предложеніе Хромова старецъ сказалъ: „не угодно ли преосвященному лично поговорить здѣсь со мной?“ Преосвященный Парѳеній согласился, и былъ на заимкѣ. Бесѣда владыки со старцемъ продолжалась около трехъ часовъ, а что говорили они между собою, было неизвѣстно; только на другой день преосвященный говорилъ, что онъ жалѣетъ, что едва ли старецъ не въ прелести? Нужно молиться за него Богу.

Старецъ говорилъ преосвященному, что ему будто бы открыто, когда онъ помретъ, и что онъ удостоился видѣть Святую Троицу и многое другое подобпое говорилъ, почему преосвященный и думалъ, что старецъ находится въ прелести и исповѣдоваться и пріобщиться св. Тайнъ не желаетъ. На другой день Хромовъ поѣхалъ къ старцу и передалъ ему то, что преосвященный говорилъ, и почему онъ не хочетъ быть у исповѣди и св. причастія. Но старецъ на это отвѣтилъ: „на исповѣди врать нельзя, и если я совру, не открою, кто я въ дѣйствительности, то небо ужаснется; а если скажу, кто я есть—то весь міръ взволнуется. Я благодарю Царя Небеснаго! по великой Его милости вкушаю пищу“. Хромовъ не одинъ разъ слышалъ отъ старца, что по милости Господней онъ удостоенъ трапезы Божіей *). Болѣзнь же старца была—кровавый поносъ, и никакой пищи онъ не употреблялъ, кромѣ холодной воды.

---

*) Покойный архимандритъ Томскаго мужского монастыря Викторъ, хорошо знавшій старца Θеодора Кузьмича, утвердительно говорилъ, что ему извѣстно, что духовникомъ его былъ Воскресенской церкви іерей Созуновъ. Также пріѣзжалъ на хромовскую заимку быв-

Въ постѣ и молитвѣ старецъ и все время проводилъ; самъ ни къ кому не ходилъ, и къ себѣ въ келью посѣтителей принималъ съ разборомъ. Единственный выходъ его былъ въ церковь; ходилъ онъ часто въ праздники въ семинарскую церковь и всегда становился у печи на одномъ мѣстѣ, а когда сталъ замѣчать, что на него большое обращается вниманіе, то и вовсе пересталъ ходить въ церковь.

Однажды жена Хромова пріѣхала къ старцу на заимку, и, войдя въ келью, увидѣла, что онъ сидитъ на лежанкѣ. Подозрѣвая кто онъ, ей стало грустно, что въ ту минуту представлялъ изъ себя старецъ, далеко отъ всѣхъ, какъ бы забытый міромъ, и несетъ добровольно такой крестъ и смиреніе. Вдругъ старецъ обращается къ ней и говоритъ: „полно, любезная, это воля Божія"; немного помолчавъ добавилъ: „да, любезная, кто былъ, гдѣ былъ, и очутился здѣсь у васъ на лежанкѣ".

Иногда старецъ Өеодоръ Кузьмичъ любилъ кое-что разсказывать и Хромову. Такъ, когда

шій иркутскій іеромонахъ Германъ, который также предъ своею кончиною говорилъ, что у него на духу бывалъ старецъ Өеодоръ Кузьмичъ, о которомъ отзывался, какъ о великомъ подвижникѣ, и знаетъ — кто онъ. Русск. Стар. Янв. 1892 г.

онъ жилъ у него наверху, то говаривалъ, что въ бродяжествѣ по Россіи онъ никогда ни въ чемъ не имѣлъ нужды; а сколько времени онъ бродяжилъ—Богу одному извѣстно; идя въ партіи съ арестантами всегда доволенъ былъ обращеніемъ съ нимъ, какъ со стороны конвойныхъ солдатъ, такъ и со стороны этапныхъ офицеровъ, которые оказывали ему особенное вниманіе, и на ночлегахъ отводили ему особую каморку. Хромовъ также слышалъ отъ старца, что гдѣ-то онъ былъ въ больницѣ во время бродяжества, и видѣлись тамъ съ нимъ, больнымъ, царскіе слуги; о нихъ онъ отзывался, что люди добрые. Памятны Хромову и слѣдующія слова: „да, любезный, царская служба не безъ нужды. Романовыхъ домъ крѣпко укоренился и глубокъ корень его, милостію Божіею глубоко корень его сидитъ“.

Въ 1863 году старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ уѣзжалъ отъ Хромова и нѣкоторое время проживалъ въ Бѣлоярской Станицѣ, гдѣ ему отведена была келья, въ домѣ казака Семена Николаева Сидорова. Декабря 18 дня того же года Хромовъ пріѣхалъ навѣстить старца, но когда пришелъ къ нему въ келью и поздоровался съ нимъ, то старецъ заявилъ ему, что онъ не хочетъ болѣе оста-

ваться въ домѣ Сидорова, и сталъ собираться съ нимъ въ Томскъ, будучи больной, такъ что былъ чуть живъ; только не велѣлъ сейчасъ же говорить, что онъ ѣдетъ, а сказать тогда, когда будутъ запряжены лошади. Дѣйствительно, когда лошади были готовы, онъ сталъ собираться, и его одѣли, даже самъ хозяинъ его одѣвалъ, только не зналъ, куда старецъ одѣвался. Старецъ далъ потомъ нѣкоторыя наставленія Семену; и когда повели его къ повозкѣ, онъ сказалъ ему: „ну спасибо за все всѣмъ!“ Всѣ вышли провожать, и хозяйка горько плакала. Отправились они въ деревню Коробейникову, куда и повезъ ихъ самъ хозяинъ Семенъ Николаевъ Сидоровъ. Вечеромъ того же дня пріѣхали въ названную деревню и остановились въ домѣ крестьянина Ивана Яковлева Коробейникова, который пользовался его расположеніемъ, и у котораго маленькая дочь Θеоктиста была особенно любима старцемъ. Приняли старца съ величайшей душевною радостію; тутъ провели ночь, и оба на другой день отправились въ Томскъ.

По пріѣздѣ въ Томскъ, съ 3-го на 4-е число января, вслѣдствіе большой слабости старца Θеодора Кузьмича, Хромовъ ночевалъ у него въ кельѣ; ночью вдругъ услышалъ разговоръ его

одного съ кѣмъ-то неизвѣстнымъ, но разобрать всего не могъ, только слышалъ слова: „благодарю тебя!“ Въ 5 часовъ утра старецъ разбудилъ Хромова; онъ посадилъ его на лежанкѣ, и старецъ сказалъ ему, что сегодня посѣтилъ его Господь, и теперь ему, слава Богу, стало лучше. Всматриваясь въ старца, Хромовъ замѣтилъ тогда, что взоръ его сдѣлался быстрѣе и разговоръ тверже въ словахъ, уже не какъ больного. Но 19 числа ночью, когда Хромовъ поднялъ его присѣсть, то, посидя немного, старецъ сказалъ: „видно, близко конецъ!“ Утромъ этого числа вставши Хромовъ собрался идти къ себѣ въ домъ, и по обыкновенію подошелъ къ старцу попросить его благословенія: „батюшка, сказалъ онъ, „благослови—я пойду въ домъ“. Старецъ отвѣтилъ: „съ Богомъ!“ и при этомъ прибавилъ: „меня благослови!“ Хромовъ остановился въ недоумѣніи и не зналъ, что говорить; онъ опять повторилъ и уже повелительнымъ тономъ: „я говорю тебѣ, меня благослови!“ Тогда Хромовъ сказалъ: „васъ, батюшка, да благословитъ Господь!“ И послѣ этого онъ пошелъ.

20-го января 1864 года былъ послѣдній день жизни старца Ѳеодора Кузьмича! Въ этотъ

день утромъ Хромовъ пришелъ къ старцу и опять просилъ его благословенія; онъ сказалъ: „Господь благословитъ, и меня благослови!“ Хромовъ отвѣтилъ: „васъ, батюшка, Господь благословитъ“. Чрезъ полчаса послѣ этого, когда Хромовъ снова пришелъ, старецъ лежалъ лицомъ къ печкѣ; постоявъ немного, онъ ушелъ обратно въ домъ, и въ 9-мъ часу опять пошелъ въ келью. Старецъ такъ-же лежалъ и ничего ему не сказалъ; Хромову потомъ нужно было по своимъ дѣламъ отлучиться изъ дома; и только съ полчаса прошло времени, какъ онъ отлучился, вдругъ ѣдетъ за нимъ на верховой лошади племянникъ и говоритъ ему: „поѣзжайте скорѣе домой, старецъ плохъ“. Приходитъ въ келью; дѣйствительно, старецъ страдаетъ и мучится, какъ младенецъ; тутъ была жена Хромова и дѣти, и одинъ посторонній. Страданіе его было, какъ видно, тяжелое: онъ то ляжетъ на спину, то поворотится на правый бокъ, то на лѣвый, то посидитъ, но при этомъ постоянно знаменовалъ себя крестнымъ знаменіемъ. Услыхавши о болѣзни старца, многіе пришли въ его келью. Старецъ спросилъ Хромова: „что, много народу?“ Онъ сказалъ: „батюшка, пришли навѣстить васъ“, но онъ на это ни слова не сказалъ. И страданія

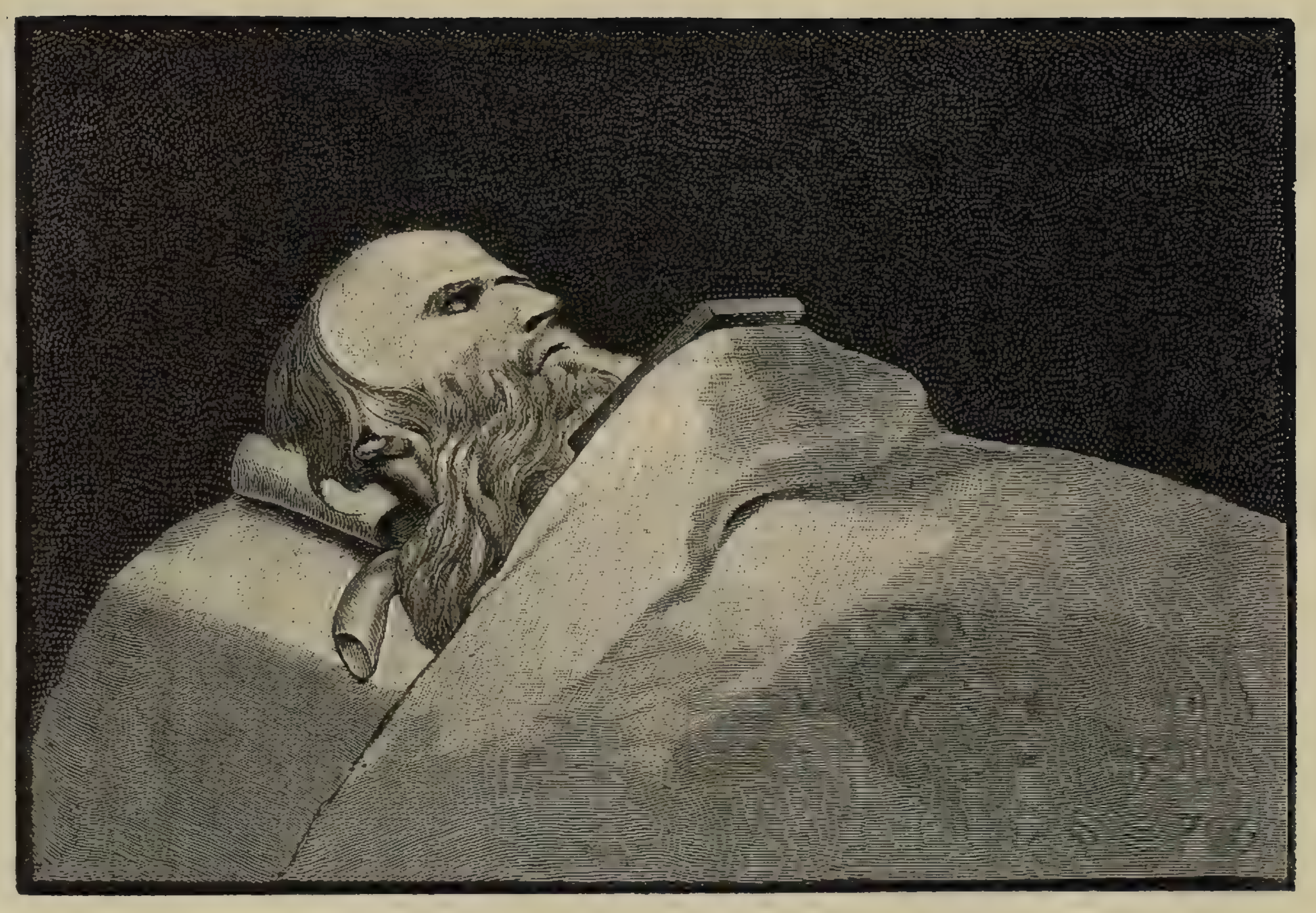
его такъ продолжались одинаково. Въ это время старшую дочь свою Хромовъ заставилъ читать акаѳистъ „Живоначальной Троицѣ“. Между тѣмъ, какъ человѣкъ, онъ нѣсколько смутился, такъ какъ для него страннымъ казалось, что такой подвижникъ и такъ страдаетъ! Не за то ли Господь его мучитъ, что онъ не принялъ Святыхъ Таинъ? Это онъ думалъ одинъ; и что же? Старецъ при всѣхъ стоявшихъ тутъ невѣріе его уличилъ, провидя духомъ тайные его помыслы. Онъ сказалъ твердымъ голосомъ: „панокъ, ты думаешь удалиться!“ Хромовъ тотчасъ же позналъ свой грѣхъ и сказалъ: „батюшка, прости, нѣтъ, не думаю. Не мало удивившись его прозорливости, онъ заплакалъ при всѣхъ; это слышали всѣ, но не поняли, потому что не знали его мысли.

Между тѣмъ къ старцу Ѳеодору Кузьмичу, еще въ началѣ его болѣзни, приглашенъ былъ для напутствованія св. Тайнами іеромонахъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря Рафаилъ. Нѣкто Вознесенскій (бывшій послушникъ, а нынѣ заштатный псаломщикъ), какъ очевидецъ, разсказываетъ объ этомъ такъ: „О. Рафаилъ, взявши съ собою меня, какъ послушника монастыря, немедленно явился по приглашенію. Когда о. Рафаилъ съ дарохранительницею, требни-

комъ и епитрахилью вошелъ въ келью старца, то я остался въ сѣнцахъ. Вскорѣ я услышалъ чтенія о. Рафаиломъ приготовительныхъ къ исповѣди и св. причащенію молитвъ, по прочтеніи которыхъ долго ничего не было слышно; затѣмъ о. Рафаилъ, отворивши дверь въ келью, велѣлъ подать ему воды, что и было исполнено. Въ это время никого изъ постороннихъ лицъ въ кельѣ не было." Старецъ Ѳеодоръ, какъ убѣжденъ г. Вознесенскій, не только въ этотъ разъ, но и въ другое время исповѣдывался и пріобщался св. Таинъ у о. Рафаила.

Предсмертныя страданія старца Ѳеодора Кузьмича продолжались 20 января цѣлый день—до 8 часовъ вечера. Послѣ 8-ми старецъ, обращаясь къ Хромову и показывая ему на маленькій мѣшечекъ, висѣвшій на стѣнѣ, сказалъ: „въ немъ моя тайна" *). Потомъ онъ попросилъ, чтобы его подняли; посидѣлъ немного, и опять легъ на лѣвый бокъ; немного полежалъ, и потомъ вдругъ поворотился на спину; Хромовъ посмотрѣлъ ему въ глаза, и замѣтилъ въ нихъ какую-то перемѣну. Тогда-же послалъ за восковыми свѣчами, которыя и были при-

*) Послѣ смерти старца найдено въ его мѣшечкѣ, про который онъ сказалъ „въ немъ моя тайна", снимокъ, какъ полагаютъ, ключъ къ его перепискѣ съ другимъ лицомъ.

Великій рабъ Божій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ.

Скончался 20 Января 1864 г., въ Томскѣ.

несены. Старецъ попросилъ Хромова поворотить его на правый бокъ; рука его держалась слабо. Послѣ этого старецъ три раза вздохнулъ рѣдко, и потомъ еще разъ вздохнулъ тихо, и предалъ свою душу въ руцѣ Божіи. Такъ тихо и мирно, безъ стенанія, преставился рабъ Божій, лежа на правомъ боку; правая рука его сложена была крестомъ, а лѣвая была на ней. Поплакали всѣ бывшіе тутъ о своемъ отцѣ молитвенникѣ и наставникѣ, и стали приготовлять тѣло его къ погребенію; одѣли его въ бѣлую новую рубашку, но не надѣли никакого халатика.

Старецъ еще при жизни своей, когда жена Хромова однажды въ простотѣ сердца спросила его: „батюшка, въ случаѣ кончины, надѣть на тебя этотъ черненькій халатикъ?“ Онъ сказалъ ей: „не надѣвать, я не монахъ!“ Она и сказала мужу, что халатикъ старецъ не велѣлъ надѣвать; почему Хромовъ объ этомъ уже и не заботился, зная его смиреніе, тѣмъ болѣе, что и ранѣе онъ ему живой говаривалъ: „панокъ, меня не величь!“ Подъ этимъ словомъ Хромовъ и разумѣлъ: не нужно для него ни пышное одѣяніе, ни пышныя похороны.

Въ 11 часовъ вечера того-же 20-го числа Хромовъ пригласилъ читать псалтирь надъ тѣ-

ломъ усопшаго раба Божія, и читали три соборные діакона. Могилу, по его волѣ, приготовили въ монастырѣ; гробъ сдѣланъ былъ изъ кедровыхъ очень хорошихъ досокъ; въ гробъ тѣло положено было 23 числа утромъ, и того же числа тѣло было вынесено для погребенія. Старца Ѳеодора почитало все томское духовенство, и погребеніе его совершено было со всею торжественностію.

Заупокойную литургію и отпѣваніе совершилъ архимандритъ Викторъ въ сослуженіи градскаго духовенства, въ присутствіи властей и множества народа, и при отпѣваніи архимандритъ сказалъ слово, посвященное подвижничеству старца и его странствованію. Похороненъ старецъ въ оградѣ томскаго Алексѣевскаго мужского монастыря, гдѣ доселѣ надъ его могилою стоитъ крестъ съ надписью: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло великаго и благословеннаго старца Ѳеодора Кузьмича, скончавшагося въ Томскѣ 20 января 1864 года".

Старецъ при жизни никому не говорилъ, кто онъ былъ,—была тайна, такъ и осталась тайной! Не задолго до кончины жена Хромова спросила: „батюшка, объяви хотя имя своего ангела!" И на это онъ сказалъ: „это Богъ знаетъ!" Но и вообще о себѣ и о своемъ прош-

ломъ старецъ не любилъ говорить. Говорятъ, что нѣкоторымъ изъ посѣщавшихъ его, которымъ онъ особенно довѣрялъ, и которые пользовались его расположеніемъ, неизвѣстный старецъ, подъ строжайшею тайною—взявъ съ нихъ предварительно клятву въ молчаніи—сообщалъ, кто онъ. У самого же старца Ѳеодора, послѣ его смерти, не осталось никакихъ записокъ, исключая нарисованнаго имъ вензеля въ формѣ буквы А и нѣсколькихъ слѣдующихъ строкъ, писанныхъ частію смѣсью славянскихъ словъ съ русскими, частію шифрованнымъ письмомъ, состоящихъ изъ буквъ, цифръ и непонятныхъ выраженій.

Старецъ Ѳеодоръ, по словамъ знавшихъ его, обладалъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и когда хотѣлъ—рѣчь его была плавная и гладкая; но часто онъ нарочно старался измѣнять произношеніе словъ и выговаривать ихъ по простонародному. Иногда онъ любилъ давать посѣщавшимъ его уменьшительныя и ласкательныя названія. Такъ самого Хромова онъ постоянно называлъ „панокъ“.

Въ простомъ народѣ и даже у многихъ купцовъ, ходившихъ и ѣздившихъ на поклоненіе къ старцу Ѳеодору, онъ пользовался славой цѣлителя болѣзней и слылъ за свой, дѣйстви-

Ноесда чбо. А. Монатъ. П. Нпозвыщаютъ.

Видимый Напаное вась отъ Сладесие Счастие Слоло изъ нисе.

1837. г. Мар. 26. в. Вол. 43. Пар.

1. 2. 3. 4.
О. в. а. эн.
Ь. Д. к. ео а м в. ю.
С. З. Д. я.

А. Крыютъ. Стрэфчанъ

тельно, строго-иноческій образъ жизни, за угоднаго Богу человѣка. У С. О. Хромова имѣется обширная тетрадь съ описаніемъ различныхъ исцѣленій разныхъ больныхъ, совершенныхъ старцемъ.

Послѣ смерти старца, Хромовъ самъ жилъ въ его кельѣ на заимкѣ, но теперь въ ней жить стало неудобно отъ сырости. Сырость же въ ней происходитъ отъ того, что подполье иногда вдругъ наполняется водой, тоже неизвѣстно откуда являющейся. Находятся много желающихъ получить эту воду, такъ какъ ее считаютъ цѣлебной, и Хромовъ сливаетъ ее въ бутылки, и раздаетъ желающимъ. Вода эта на видъ—чистая свѣтлая, и, по словамъ Хромова, сохраняется у него въ бутылкахъ, нисколько не измѣняясь ни по виду, ни по вкусу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Старецъ Ѳеодоръ при жизни обладалъ также замѣчательною прозорливостію и какъ бы даромъ провидѣнія. Прозорливость его подтверждается многими изъ знавшихъ его и до сихъ поръ живущихъ въ Томскѣ. Такъ одинъ отставной чиновникъ разсказываетъ слѣдующее о прозорливости старца: онъ никогда не бывалъ у него и не видалъ его. Идя какъ-то по улицѣ въ Томскѣ (разумѣется, это было при жизни

старца), онъ встрѣтился съ своимъ знакомымъ, и тотъ объяснилъ ему, что идетъ повидать старца Ѳеодора въ домѣ Хромова, и сталъ звать его съ собою. Слыша ранѣе о старцѣ, относясь къ нему скептически и считая его за какого-либо шарлатана изъ бродягъ, чиновникъ возразилъ:

— Вотъ еще пойду къ поселюгѣ бродягѣ— вздоры его слушать! Однако, все-таки пошелъ. Приходитъ—и каково же было его изумленіе, когда старецъ встрѣтилъ его слѣдующими словами:

Какъ же ты пришелъ ко мнѣ, когда только что предъ тѣмъ ругалъ поселюгой и бродягой?.. *)

Или, разсказываютъ еще: Разъ зимою у старца Ѳеодора вышли на заимкѣ дрова. Онъ послалъ къ купцу Хромову одного изъ рабочихъ, бывшихъ на заимкѣ, просить о присылкѣ ему дровъ. Хромовъ сказалъ посланному старца, что дрова тотчасъ будутъ доставлены, и въ то же время приказалъ одному изъ служащихъ наложить дрова и отвезти старцу. Но служащему не захотѣлось ѣхать на заимку, и онъ, накладывая дрова на дровни въ досадѣ нѣсколько разъ выругался, обозвавъ при томъ

*) Сибирск. Вѣстн. 1891 г. № 98.

заочно и старца, къ которому волею-неволею надо было везти дрова, неприличными словами.

Когда затѣмъ дрова были этимъ служащимъ доставлены старцу, послѣдній сказалъ:

„Спасибо! но дровъ теперь мнѣ не нужно.“

„Какъ не нужно! да вы же просили прислать ихъ?“ замѣтилъ привезшій дрова служитель.

„Отъ тебя дровъ не возьму!“ отвѣчалъ старецъ. „Ты съ неохотой везъ ихъ мнѣ. Употреблялъ ругательства, когда накладывалъ дрова, да и меня при этомъ обругалъ ни за что, ни про что худыми словами.“

И старецъ передалъ изумленному служителю дословно все то, что онъ говорилъ предъ отъѣздомъ къ нему.

Сознавая свою вину, служитель палъ на колѣни и испросилъ у старца прощеніе *).

Достойно особеннаго вниманія также слѣдующее: никто и никогда не видалъ, чтобы старецъ при жизни умывался, а только раза два въ годъ обмывалъ себѣ ноги; но однажды старецъ пришелъ къ бочкѣ съ водою и просилъ жену мою, чтобы она лила ему на голову воду, что было для насъ слишкомъ удивительно. И что-же оказалось? Въ этотъ день

*) Русск. Стар. 1887 г., окт.

былъ большой пожаръ въ Петербургѣ на Апраксиномъ дворѣ, и старецъ, провидѣвши здѣсь, какъ-бы заливалъ пожаръ на себѣ.

Другой случай прозорливости старца былъ такой: однажды бывшій за сборомъ подаяній изъ Аѳона іеромонахъ Израиль пожелалъ увидать старца; онъ былъ у Латышева на Красной рѣчкѣ, и это было ночью. Іеромонахъ пришелъ въ комнату старца, помолился Богу, и сталъ здороваться. Старецъ, сидя на лежанкѣ, сказалъ: „здравствуй, отецъ Израиль!“ тогда какъ онъ и не слыхалъ о немъ и о его пріѣздѣ, а называлъ его имя. Побесѣдовавъ со старцемъ, о. Израиль вышелъ отъ него съ рыданіями, разсказывая потомъ, что, несмотря на его далекія и многолѣтнія странствованія, такого великаго человѣка ему приходится видѣть въ первый разъ въ жизни.

Подобно сему пріѣхалъ также однажды на Красную рѣчку священникъ изъ Красноярска Іоаннъ Рачковъ, тоже ночью, и пожелалъ непремѣнно посѣтить старца; пришелъ къ нему, сотворилъ молитву и сталъ здороваться; старецъ такъ-же сказалъ: „здравствуй, отецъ Іоаннъ“, тогда какъ тоже никогда не видалъ его. На о. Рачкова старецъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ призналъ его, не-

сомнѣнно, за великаго Божьяго угодника, обладавшаго необыкновенными познаніями.

Много было и другихъ случаевъ, въ которыхъ проявлялась прозорливость старца, особенно, нерѣдко въ его бесѣдахъ съ разными лицами, приходившими къ нему за наставленіями.

Одна пріѣзжая изъ Красноярска жена генерала, А. В. Картухова, женщина очень богомольная и набожная, бывавшая у старца при жизни его въ селѣ Краснорѣчинскѣ много разъ и бесѣдовавшая съ нимъ, разсказывала, что она совершенно очаровывалась его рѣчами, и когда просила благословенія его на какое-либо дѣло, старецъ всегда провидѣлъ ея нужды и говорилъ всегда притчами.

„Когда старецъ еще жилъ на Красной рѣчкѣ, мы поѣхали разъ на пріиски,“ разсказываетъ о себѣ Хромовъ, „и я велѣлъ женѣ своей взять для старца на рубашку холстъ, который лучше; но она ѣхала въ первый разъ къ нему и подумала: на что ему хорошій? и взяла потолще. И что же? Когда пріѣхали, и она стала давать холстъ старцу, то онъ ее въ этомъ уличилъ, говоря, что былъ обѣщанъ холстъ тонкій, такъ и нужно исполнять! но, прибавилъ: „для меня, бродяги, и этотъ очень тонокъ“.

1867 года августа 12 дня былъ Хромовъ

въ Москвѣ у купца Михаила Ивановича Нацвалова, который ему сказалъ, что когда онъ жилъ и торговалъ въ Красноярскѣ, то заѣзжалъ къ старцу Ѳеодору Кузьмичу; и вотъ его слова, которыя онъ слышалъ отъ старца и передалъ Хромову: „зачѣмъ ты взялъ мѣдныя деньги, онѣ положены не для тебя". Онъ, Нацваловъ, дѣйствительно, гдѣ-то поднялъ мѣдныя деньги, но старцу объ этомъ ничего не говорилъ, а старецъ это видѣлъ по духу прозорливости. И вотъ что еще сказалъ: „зачѣмъ ты такъ читаешь безъ вниманія „пріидите поклонимся", ты знаешь, какая эта молитва, съ какимъ нужно честь вниманіемъ?" и это говорилъ по откровенію.

Тогда-же былъ Хромовъ у протодіакона Московскаго Успенскаго собора, Ивана Васильева Ефимова, и между разговоромъ, онъ сказалъ ему, что когда онъ еще былъ въ пѣвческомъ хору архіерейскаго дома въ Томскѣ, то, будучи у него на праздникѣ Рождества Христова, славилъ; и когда старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ жилъ у Хромова въ мезонинѣ, то они пожелали прославить Христа и у него въ комнатѣ, на что старецъ изъявилъ свое согласіе и просилъ ихъ, сказавъ: „если только гг. пѣвчимъ угодно будетъ". Онъ-же, Ефимовъ, имѣлъ

какое-то недоразумѣніе о древѣ Животворящаго Креста Господня, и думалъ, что при этомъ случаѣ старецъ ему разъяснитъ. Дѣйствительно, когда они пропѣли концертъ, то старецъ со слезами благодарилъ ихъ и поклонился имъ до земли, и при этомъ далъ имъ наставленія, что значитъ быть пѣвчими, что они приняли видъ ангеловъ, прославляя Господа, а г. Ефимову разъяснилъ, что значитъ древо Животворящаго Креста Господня, но сказалъ объ этомъ не по прошенію Ефимова, а по дару прозорливости.

При жизни старца приходила къ нему однажды въ келью почетная гражданка Александра Андреевна Филимонова, и, по ея разсказу, старецъ такъ ее принялъ: она пришла, а не помолилась Богу, онъ ей сейчасъ сдѣлалъ вопросъ, говоря такъ: „а что, любезная, ты какого царя почитаешь больше, земного или Небеснаго?“ Тогда она почти въ страхѣ сказала: „да, батюшка, Небеснаго!“ Онъ же и говоритъ: „какъ же ты не воздала честь царю Небесному? пришла, а не помолилась?“ и много другого ей говорилъ. Въ другой разъ пришла къ старцу маленькая дочь Филимоновой, старецъ, обращаясь къ матери, сказалъ ей: „вотъ, любезная, этотъ птенецъ впослѣдствіи будетъ тебя

покоить и кормить!“ Черезъ нѣсколько времени эта дѣвочка была отдана обучаться въ иркутскій институтъ, и тамъ вышла замужъ за морского чиновника, служившаго на Амурѣ. И вотъ въ 1871 году пріѣзжала эта дѣвочка съ мужемъ, и взяла Филимонову съ собой: какъ и сбылось предсказаніе старца Ѳеодора Кузьмича.

Еще нѣкая раба Божія Домна Карповна, Христа-ради юродствующая, говорила Хромову: „мало-ли что народъ говоритъ, нельзя слушать! вотъ говорили про старца, который у васъ жилъ, онъ раскольникъ и другой вѣры, но я знаю, что онъ святой. Когда онъ жилъ въ саду въ кельѣ, я, будучи очень больна, осталась ночью въ саду, чтобы пойти къ нему исцѣлиться отъ болѣзни, и начала стучать въ дверь; какъ только отворилъ онъ мнѣ дверь, я взошла на порогъ его кельи, и онъ исцѣлилъ меня; святой старичекъ!“ При этомъ нужно замѣтить, что и сама Домна Карповна— великая раба Божія.

Вообще, по запискамъ купца Хромова, не мало было случаевъ, когда по молитвамъ старца Ѳеодора Кузьмича многіе исцѣлялись отъ тяжкихъ, опасныхъ болѣзней, въ которыхъ врачи не могли помочь больнымъ.

Изъ воспоминаній другихъ о старцѣ Ѳео-

дорѣ заслуживаютъ вниманія разсказы о немъ нѣкоей Натальи Яковлевой Поповой, которая долго находилась въ духовной жизни подъ руководствомъ старца, часто ѣздила къ нему, многое видѣла и слышала отъ него. Такъ, однажды, Попова дерзнула спросить у старца о его родителяхъ, чтобы молиться за нихъ; онъ на это отвѣтилъ ей: „этого тебѣ знать не нужно, св. церковь за нихъ молится. Если открыть мнѣ свое имя, то меня скоро не будетъ; тогда небесная восплачетъ и возопіетъ, а земная возрадуется и возгремитъ. И если бы я находился при прежнихъ условіяхъ жизни, то долголѣтней жизни не достигъ бы“.

Въ 1857 году Н. Я. Попова путешествовала по святымъ мѣстамъ и привезла старцу Ѳеодору икону Печерскія Божія Матери. Старецъ принялъ икону, и, когда оставлялъ навсегда деревню Зерцалы при переѣздѣ своемъ къ Хромову, перенесъ ее въ часовню. Въ день отъѣзда онъ пригласилъ нѣсколько крестьянъ въ часовню и, по окончаніи молебна, постановилъ въ эту часовню раскрашенный разноцвѣтными красками вензель, изображающій букву *А* съ короною надъ нею и летящимъ голубкомъ, вмѣсто перечерка. „Храните этотъ вензель пуще своего глаза“, сказалъ онъ при этомъ зерца-

ловскимъ крестьянамъ, и буква эта до сихъ поръ хранится въ часовнѣ, помѣщаясь за поставленнымъ старцемъ образомъ Печерской Божіей Матери.

Разсказываетъ Н. Я. также слѣдующее. Въ г. Красноярскѣ у нея выстроена была, по благословенію старца Ѳеодора, келья, въ которую она не надолго впустила пожить одного стараго чиновника; онъ часто входя и выходя изъ кельи ушибался, по причинѣ малыхъ и низкихъ дверей; это довело его до того, что онъ бранилъ строительницу за неудобное устройство. Когда же Н. Я. прибыла къ старцу Ѳеодору, то онъ, какъ провидѣвшій напередъ о брани чиновника, приказалъ ей отказать ему отъ кельи.

И вотъ еще другой случай прозорливости старца, по разсказамъ Н. Я. Священникъ Благовѣщенской церкви г. Красноярска, о. П. Поповъ, просилъ Н. Я. съ дочерью послужить ему, пожить въ его домѣ, и когда она обратилась за совѣтомъ къ старцу Ѳеодору, то онъ сказалъ ей: „поживите, послужите недолго о. Петру; ему готовится царская корона, слѣду его будутъ скоро кланяться“. Дѣйствительно, чрезъ годъ онъ удостоенъ былъ архіерейскаго сана.

Священникъ И. Тыжновъ (зять Н. Я.) разсказываетъ о себѣ: „У меня“, говоритъ онъ, „зародилось желаніе побывать у старца Θеодора Кузьмича еще во время моего обученія въ Томской Духовной Семинаріи. По окончаніи курса, получивъ мѣсто и отправляясь въ Томскъ для посвященія во священника, вмѣстѣ съ Н. Я., по пути мы остановились въ с. Краснорѣчинскомъ, гдѣ въ домѣ Латышева проживалъ старецъ. Прямо изъ экипажа я зашелъ въ келью къ старцу; въ это время онъ лежалъ на диванѣ, и вставши спросилъ: „кто, какой и откуда?“ Я отвѣтилъ ему, но въ то же время меня объялъ какой-то невольный страхъ; онъ началъ ходить и говорить мнѣ о священствѣ и объ отправленіи Богослуженія, и говорилъ довольно долго. Послѣ этой бесѣды со мною, старецъ бесѣдовалъ съ Н. Я. Когда же намъ нужно было отправляться далѣе, то старецъ благословилъ насъ ѣхать въ большомъ экипажѣ, чтобы доставить его въ Томскъ къ С. Θ. Хромову. Я, грѣшный, думалъ, какъ мы поѣдемъ въ такомъ большомъ экипажѣ, когда нужно будетъ платить и большія прогоны, а денегъ лишнихъ не было у насъ. Но оказалось, что всю дорогу, по благословенію старца, мы ѣхали легко. Въ обратный же путь изъ

Томска старецъ Θеодоръ удостоилъ насъ трапезовать съ собою, и при этомъ назидалъ насъ, чтобы мы просвѣщались благодатнымъ свѣтомъ и спасительными размышленіями; укрѣплялись благодатію Божіею, чтобы могли преодолѣвать человѣческую немощь, творить угодныя Богу дѣла и неуклонно шествовать путемъ православной Христіанской церкви, дабы достигнуть благого конца и удостоиться получить наслѣдіе небеснаго царствія. При прощаніи со старцемъ я поклонился ему въ ноги, и онъ мнѣ взаимно поклонился до земли, при чемъ горько заплакалъ и сказалъ: „не вдавайтесь въ любы міра сего, иначе, охъ, какой можетъ произойти отъ того горькій источникъ.“ Свой разсказъ о. Тыжновъ заключилъ слѣдующими словами: „Благодарю Господа, сподобившаго меня посѣтить старца Θеодора, созерцать его лицомъ къ лицу, преукрашеннаго сѣдинами, и ведшаго подвижническую жизнь. Памятованіе о немъ да будетъ всегдашнимъ моимъ поощреніемъ къ дѣланію заповѣдей Божіихъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что старецъ Θеодоръ Кузьмичъ, эта таинственная личность—представлялъ собою замѣчательный и интересный типъ, и справедливо за свою высоко-нравственную, подвижническую жизнь пользовался большою из-

вѣстностію по Сибири; память о немъ чтится и доселѣ.

„1867 года, января 21 дня пришла мнѣ мысль“, разсказываетъ С. Ѳ. Хромовъ, „какъ бы назвать мѣстность на заимкѣ, которая должна принадлежать имѣющему здѣсь устроиться общежительному монастырю; рѣшилъ кинуть жребій на два имени — Александровскій или Ѳеодоровскій, и по троекратномъ вынутіи жребія, каждый разъ выходило названіе—Ѳеодоровскій. Итакъ съ сего дня, по милости Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Матери, долженъ называться сей будущій монастырь по имени старца Ѳеодора Кузьмича—Ѳеодоровскій, такъ какъ по его слову назначена эта земля для монастыря, и, по его же слову, хотя бы чрезъ долгое время, долженъ быть устроенъ здѣсь монастырь“.

